

УДК 323.27

DOI: 10.17223/1998863X/53/22

**А.О. Зиновьев**

## **РОЛЬ ИДЕЙ В РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ**

*Предлагается уточнение роли идей и революционных идеологий в рамках современных теорий революционных процессов, центрированных на государстве. Данные подходы, созданные в рамках социологии и политической науки, делают акцент на «объективности» революции, в отличие от классических исторических подходов с их акцентом на роли революционных идей и идеологий в объяснении логики революционных процессов. На основе понимания государства как диалектики стратегической рациональности и коммуникативной рациональности, с опорой на теорию Ю. Хабермаса в статье предлагается сочетание исторических и социально-политических подходов к анализу роли идей в революционных процессах. На основе анализа некоторых теоретических сравнительных исследований революционных процессов в работах М. Манна и М. Парса показана ключевая роль идей для объяснения различных результатов революций в виде идеологий нового революционного государства.*

*Ключевые слова: идеи, государство, революция, стратегическая рациональность, коммуникативная рациональность.*

Оценки роли «идей» в революционных процессах носят противоречивый характер. Одни исследователи сводят всю логику революционных процессов к реализации революционных идеологий, а другие отводят «идеям» роль вспомогательного материала для создания лозунгов в процессах политической мобилизации. Очевидно, что для адекватного понимания прошлых или будущих революций необходимо более точно выявить роль «идей» и избегать крайностей в трактовках их значимости для хода революционных процессов.

Акцент на ключевой роли «идей» в революционных процессах характерен для историков и исторически ориентированных философов. В качестве примера можно взять последнюю работу Мартина Малии «Локомотивы истории» [1], в которой предложена концепция накопления революционных «идей» в истории Европы. Передача революционных «идей» от революции к революции повышала управляемость революционными процессами вплоть до деятельности Владимира Ленина.

Особенности подготовки историков создают у них склонность обращать внимание на роль «идей» в согласовании текстов и контекстов, или, другими словами, в согласовании исторических персонажей и социальных условий их существования. Даже для «Анатомии революции» Крейна Бринтона [2] характерно уделять внимание роли «идей», которые в его понимании революции по метафоре «болезни» выступают в виде своеобразных «микробов» революционной «болезни». В ходе революционных процессов роль радикальных «идей» постепенно снижается, что объясняет стадии протекания революционной «болезни» от кризиса к затуханию и выздоровлению. С другой стороны, экономисты со времен Маркса были ориентированы на понимание реалий «социального мира» по аналогии с реалиями «объективного мира» (если воспользоваться типологией трех миров значимости у Юргена Хабермаса, предложенной на основе выделения трех миров Карлом Поппером

[3]). В рамках подобной ориентации «идеи» представляют собой лишь субъективные отражения «законов истории» у отдельных людей, так же как «идеи» ученых-физиков представляют собой лишь субъективные отражения «законов природы» в меру их познания современной наукой. Споры между «объективистами» и «субъективистами» в объяснении роли «идей» в революционных процессах связаны с более фундаментальными спорами о специфике наук об обществе по сравнению с науками о природе. Экономическая наука в большей степени, а социология и психология в меньшей степени ориентированы на «объективный мир» в смысле Поппера–Хабермаса. Для историко-философского понимания политики (т.е. для традиционного понимания политики историками, философами, юристами и филологами) идеи и идеологии выступают описанием реалий «социального мира». Популярность «научной» ориентации на реалии «объективного мира» частично способствовала популярности марксизма. Именно марксизм представляет собой компромиссное сочетание позиций «объективистов» и «субъективистов» в понимании идеологий и революций.

### **Государство в революции от Ленина к Скочпол**

Наиболее ярко указанное компромиссное сочетание проявилось в работах Владимира Ленина, прежде всего в работе «Государство и революция» [4]. В ней Ленин решал стратегические задачи захвата и удержания власти, что требовало согласования «объективного мира» и «социального мира» в правильном понимании уже идущей революции. Стратегическая рациональность Ленина предполагала существенный учет социальных особенностей его соперников в борьбе за власть, включая и роль «идей» в ходе революционных процессов. Но, как все марксисты, Ленин подчеркивал приоритет «законов истории», т.е. приоритет логики «объективистов» в описании социальных реалий революционных процессов.

Идеи Ленина об «объективной» важности государства были развиты в работах Теды Скочпол и ее учеников. В своей основной работе «Государства и социальные революции» [5] Теда Скочпол предложила существенное переосмысление роли государства в революционных процессах как самостоятельной социальной силы, относительно автономной от классового господства. На примере Франции, России и Китая она показала, что факторы соперничества между государствами сыграли важную роль в «объективном» формировании революционной ситуации. Продолжая идеи Ленина о важности захвата контроля над государством, Скочпол использовала идеи Ч. Тилли о специфике борьбы за государство в ходе революционных процессов. Ключевую роль в данных процессах она отводила стратегии революционного лидера. В терминологии Хабермаса Скочпол делала акцент на ключевой роли стратегической рациональности революционных лидеров и их ориентации на «объективный мир» в деле построения нового революционного государства.

Историк, специалист по революции во Франции Уильям Сьюэлл выступил с критикой Скочпол за недостаточный учет роли революционных идей и идеологий в революционных процессах [6]. По его мнению, в ходе революции во Франции большую роль играли идейные предпочтения участников революционных процессов, особенно в ходе отмены феодальных привилегий. В своем ответе на данную критику Скочпол указала на подчиненный характер «куль-

турных идиом» различных исторических революций по отношению к общей «объективной» логике построения революционного государства [7]. Данная полемика показательна для общего расхождения между социологическим и историко-философским подходами к изучению революционных процессов.

На критику работы Скочпол со стороны «объективистов» и «субъективистов» серьезные и расходящиеся ответы дали два ее самых известных ученика – Джек Голдстоун и Джефф Гудвин, в работах которых представлены современные версии соотношения идей и государства в революционных процессах.

### **Синтез идей и государства в исследованиях революций Голдстоуна**

В работе «Революции и восстания в мире раннего модерна» [8] Джек Голдстоун показывает, что для возникновения революции важно не соперничество между государствами само по себе, а различные «объективные» причины напряжения государства, с которым оно не может справиться. Демография в виде роста численности населения ведет к таким же «объективным» причинам в виде недовольства элит и возможностей для мобилизации масс. В рамках различения трех миров по Попперу–Хабермасу можно сказать, что Голдстоун существенно уточнил «объективный» аспект начала революции как распада государства. Причем для реализации краха государства «объективные» негативные тенденции должны быть отражены на уровне «субъективных миров» элит и масс, а также на уровне «социального мира» в виде недовольства «старым порядком» и формирования идей по его изменению. От своей ранней работы к более поздним работам Голдстоун увеличивал внимание к социальным и субъективным аспектам революционных процессов [9]. В ранней работе он указывал, что влияние культуры и идеологий проявляет свое значение только после распада государства. Идеи и идеологии в «субъективных мирах» революционных деятелей проявляют себя после краха государства в виде результатов революции, но и сами они находятся в зависимости от «социальных миров» различных культурных идиом в различных цивилизациях.

По мнению американского социолога Рэндалла Коллинза (в его обзоре современных теорий революции [10]), объяснение специфики революций посредством специфики цивилизаций, которое предлагает Голдстоун, слишком метафизично и нуждается в уточнении. Подобное уточнение должно учесть роль социальной структуры и динамики социального действия в «производстве» идеологий. Для этого, по мнению Коллинза, мы должны обратить внимание на работу Роберта Уитноу «Сообщества дискурса» (к ней в своей книге отсылает читателей и сам Голдстоун в конце главы о роли идеологий в революционных процессах), которая удачно дополняет структурную теорию распада государства. В ней Уитноу показывает, что усиление роли интеллектуалов (например, в эпоху Просвещения и Французской революции) было обусловлено созданием благоприятных структурных экономических условий культурного «производства». Акцент на структурных условиях появления идей и идеологий, даже с некоторым ущербом по вниманию к их содержанию, сближает подходы Уитноу и Коллинза. Отвечая критикам Уитноу, Коллинз справедливо отмечает, что содержание идей и идеологий даже не может появиться без появления благоприятных структурных условий в плане вни-

мания и материальной поддержки. Идеи и философия всегда нуждаются в материальной поддержке своих носителей, а распад государства создает возможности для их реализации и придает важность их содержанию (если, конечно, они овладевают массами). Сам Голдстоун в своих последних работах усилил внимание к роли идеологий в революционных процессах и включил идеологии в число пяти предпосылок революции [11]. По моему мнению, это избыточная уступка теоретическим позициям «субъективистов»; наличие революционной идеологии скорее сомнительно до начала революции. Более корректно предположить наличие культурных предпосылок для критики «старого порядка», которые после распада государства могут при участии революционных лидеров превратиться в революционную идеологию. В целом Голдстоун (с учетом нескольких написанных им обзоров теорий революций) предлагает сосредоточить внимание на особенностях революционных процессов, в которых сочетаются, помимо прочего, лидерство и идеологии.

### **Особенности идей и революций в современных патримониальных режимах**

В работах Джеффа Гудвина [12] предложено соединение исследований слабых государств с исследованиями социальных движений для объяснения революционных процессов в странах третьего мира. Подход Гудвина опирается на достижения в исследованиях государств и революций в работах Чарльза Тилли и Майкла Манна. В своих работах Тилли переосмыслил взаимоотношения между государством и насилием, кроме того, соединил изучение революций и социальных движений [13]. По мнению Тилли, и революции как формы концентрации политического насилия [14], и социальные движения на уровне суверенного государства были результатом формирования национальных государств в Европе [15]. Именно на базе сильного национального государства происходил сложный процесс формирования демократического государства, а революции были частью процессов демократизации [16]. Создание относительно дееспособного государства создало условия для возможности революции как борьбы революционных социальных движений за построение новых революционных и демократических государств. Если Тилли изучал социальные движения и революции в Европе, то Джефф Гудвин использовал комплексное изучение социальных движений и краха государств в странах третьего мира [17]. Как показал Гудвин, страны третьего мира более подвержены опасности революции (и в этом похожи на государства Европы эпохи раннего модерна) по причине их организационной слабости. Патримониальное правление в странах третьего мира имеет слабую поддержку населения по сравнению с рационально-бюрократическим управлением в странах устойчивой демократии. Патримониальное правление, как правило, исключает значительные группы населения из процессов управления государством, что позволяет создавать массовые социальные движения на основе неприятия недемократических коррумпированных режимов личной власти. Государства в странах третьего мира обладают слабой инфраструктурной властью в силу низкой эффективности патримониальной бюрократии, т.е. слабо воздействуют на повседневную жизнь своих граждан. Слабость патримониального правления создает «пространство возможностей» для формирования революционного социального движения, например на базе марк-

сизма или национализма. Сочетание режимов и социальных движений образует политический контекст, который объясняет специфику протекания революционных процессов в различных странах. Для формирования и деятельности революционных социальных движений большую роль играют идеи и идеологии наряду с лидерством и эмоциональной политикой. В ряде своих работ Гудвин подробно разбирает важность эмоций и лидерства для понимания социальных движений. Другие исследователи революций в странах третьего мира также отмечают важность культуры и идентичностей для объяснения возникновения и хода революционных процессов. Специализация Гудвина на исследованиях социальных движений позволила ему прояснить взаимосвязь между слабостью патримониального правления и деятельностью революционных социальных движений, построенных на различных идеях и идеологиях.

Подводя итог исследованиям революций в четырех томах своей работы «Источники социальной власти», Майкл Манн указывал, что не бывает законов в социальных науках, но возможны некоторые широкие обобщения относительно большинства революций [18. С. 392–393]. Зависимость вероятности революций от слабости инфраструктурной власти государства, о которой пишет Гудвин, относится к таким широким обобщениям. Патримониальные режимы уязвимы для революционных социальных движений в силу сочетания высокой деспотической власти руководителя со слабой инфраструктурой власти государственного управления. Предложенная Манном модель четырех источников социальной власти позволяет понять комплексный характер краха государства в результате начала революции. Как отмечает Манн, революции касаются как минимум трех из четырех источников социальной власти. Экономические проблемы ведут к кризису политической и / или идеологической власти «старого порядка». Проблемы в военной сфере также могут вести к кризису в других сетях социальной власти. В патримониальных режимах, таких как Иран при шахе, деспотическая власть лидера является ключевой для всех четырех сетей социальной власти (при относительной автономии идеологической власти), что ведет к быстрому перетеканию кризисных тенденций из одной сети социальной власти в другие сети. Деспотическая власть лидера резко ослабляется, так как вся ответственность концентрируется в личности главы государства. А низкая инфраструктурная власть государства делает вероятным появление кризиса в любой из сетей социальной власти. В рамках подхода Манна идеи и культуры связаны с сетями идеологической власти, которые обладают относительной автономией и зависимостью от сетей военной, экономической и политической власти.

Более детальный сравнительный анализ революций в трех патримониальных режимах предложил Мисах Парса в работе «Государства, идеологии и социальные революции» [19]. Он предложил анализ революционных событий в Иране, Никарагуа и Филиппинах. Он понимает революционные процессы как сочетание структурных переменных и динамики политических процессов с учетом возможностей по революционной мобилизации различных социальных групп. В своей работе Парса показал сходство структурных переменных в трех странах. В частности, сильную зависимость экономик трех стран от мировой экономической конъюнктуры, которая особенно велика была в Иране, но имела место и в остальных двух странах. В политической сфере трех стран сформировались сходные типы «исключающего правления»

в виде режимов личной власти, которые соответствуют деспотической власти, по Манну, или патримониальному правлению, по Гудвину. Личность правителя играла ключевую роль во всех сетях социальной власти. В ходе революции в Иране к власти пришло шиитское духовенство, в Филиппинах – классические либеральные политики, а в Никарагуа – классические левые марксисты-сандинисты. Если интерпретировать результаты исследования Парсы в терминах Хабермаса и Манна, то в рамках «объективного мира» все три страны имели сходные структурные переменные и сходные экономические причины кризиса государства. В рамках «социального мира» все три государства управлялись патримониальными режимами исключительной личной власти (сетями личного патронажа «друзей» правителя), для которых характерно обилие деспотической власти и скудость инфраструктурной власти. По данной причине в рамках «субъективных миров» большую роль играли особенности личности трех правителей, только один из которых (Самоса) решил оказать вооруженное сопротивление и был свергнут в ходе гражданской войны. Также значительную роль сыграли «субъективные миры» революционных лидеров в их взаимодействии с «социальными мирами» данных стран (в виде идеологической мобилизации различных социальных групп). Проблемы в области экономической власти лишь запустили кризисные процессы патримониального правления, а различные результаты революционных процессов сложились в виде итогов идеологической борьбы за революционную мобилизацию в виде диалектики стратегической рациональности революционного лидерства и коммуникативной рациональности революционных социальных движений (идеологии лидера и культурных идиом его сторонников). Именно «культурные идиомы» и «политические контексты», различные в трех странах, определили возможности для победы различного идеологического лидерства в революциях.

### Заключение

Таким образом, важная роль революционных идей, которая обычно отмечается историками, должна быть понята с учетом ключевого значения государства в революционных процессах. Ключевое значение государства, которое было обосновано Лениным и Скочпол, должно сочетаться с изучением «субъективных» аспектов революционных процессов в виде идей и идеологий. В соответствии с различием «миров» Поппера–Хабермаса революции проявляются в «объективном мире» как распад государства, который отражается в «социальном мире» и в «субъективных мирах» как крах идеологической парадигмы «старого порядка». В ходе революции происходит формирование новой идеологической парадигмы построения нового революционного государства на основе идей, которые существовали до начала революции. Идеи и «культурные идиомы» создаются в течение длительного времени в виде «дискурсивных формаций», по Мишелю Фуко, и их появление зависит от социальных структурных условий культурного производства в данной стране. Сами по себе идеи не создают революционной ситуации, но после краха государства и идеологической парадигмы «старого порядка» они начинают влиять на ход революционных процессов в виде революционного лидерства и революционных социальных движений.

В условиях патримониального правления вероятность начала революции существенно выше из-за слабости инфраструктурной власти (и слабости патримониальной бюрократии) и сосредоточенности сетей социальной власти на личности правителя. Проблемы в любых сетях социальной власти быстро усиливают общий кризис патримониального правления и порождают обвальный рост недовольства личностью правителя. Политический контекст патримониальных режимов состоит из идей и социальных опций для мобилизации социальных движений, которые направляют идеологическую динамику революционных процессов в различных странах. Расхождение в результатах революций между Ираном и Филиппинами, как показал Парса, могут быть объяснены только особенностями формирования новых идеологических парадигм в данных странах.

Революционное лидерство предполагает успешное построение нового государства (как новое выстраивание сетей социальной власти) и осуществляется на основе идей и культурных идиом конкретного революционного лидера (или коалиции лидеров). Идеи соединяют стратегию лидера и его коммуникацию с революционным социальным движением. Хотя К. Акино была слабым лидером, а Хомейни – сильным, ключевое значение имел характер их идей. Именно революционные идеи определяют особенности нового государства как главного «объективного» результата революций.

#### *Литература*

1. *Малия М.* Локомотивы истории: революции и становление современного мира. М. : РОССПЭН, 2015.
2. *Brinton C.* The Anatomy of Revolution. New York : Random House, 1965 (1938).
3. *Habermas J.* Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1995. Bd. I.
4. *Ленин В.И.* Государство и революция // Избранные сочинения. М. : Из-во полит. лит., 1986. Т. 7.
5. *Skocpol T.* States and Social Revolutions. Cambridge : Cambridge University Press, 1979.
6. *Sewell W.H.* Ideologies and Social Revolutions: Reflections on the French Case // Skocpol T. Social Revolutions in the Modern World. Cambridge : Cambridge University Press, 1997.
7. *Skocpol T.* Cultural Idioms and Political Ideologies in the Revolutionary Reconstructions of State Power: a Rejoinder to Sewell // Skocpol T. Social Revolutions in the Modern World. Cambridge : Cambridge University Press, 1997.
8. *Goldstone J.* Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley : University of California Press, 1991.
9. *Голдстоун Д.* К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. № 5. С. 58–103.
10. *Коллинз Р.* Макроистория: очерки социологии большой длительности. М.: УРСС, 2015.
11. *Голдстоун Д.* Революции: очень краткое введение. М. : Изд-во ин-та Гайдара, 2015.
12. *Goodwin J.* Revolutions and Revolutionary Movements // The Handbook of Political Sociology / T. Janoski, R. Alford, A. Hicks, M.A. Schwartz (eds.). Cambridge : Cambridge University Press, 2005.
13. *McAdam D. Tarrow S., Tilly C.* Towards An Integrated Perspective on Social Movements and Revolution. URL: <http://www.ciaonet.org/wps/tic04/> (accessed: 27.12.2018).
14. *Tilly C.* From Mobilization to Revolution. New York : Random House, 1978.
15. *Тилли Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М. : Территория будущего, 2009.
16. *Тилли Ч.* Демократия. М. : Ин-т обществен. проектирования, 2007.
17. *Goodwin J.* No Other Way Out: States and Revolutionary Movements, 1945–1991. Cambridge : Cambridge University Press, 2001.
18. *Манн М.* Источники социальной власти. М. : Дело, 2018. Т. 4: Глобализации, 1945–2011. С. 666.
19. *Parsa M.* States, Ideologies and Social Revolution. Cambridge : Cambridge University Press, 2000.

**Andrey O. Zinoviev**, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation).  
E-mail: azin73@mail.ru

*Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 53. pp. 205–212*

DOI: 10.17223/1998863X/53/22

# THE ROLE OF IDEAS IN THE REVOLUTIONARY PROCESS

**Keywords:** ideas; state; revolution; strategic rationality; communicative rationality.

The article proposes a clarification of the role of ideas and revolutionary ideologies within the framework of modern revolutionary process theories focused on the state. These approaches, created within the framework of sociology and political science, emphasize the “objectivity” of a revolution, in contrast to the classical historical approaches with their emphasis on the role of revolutionary ideas and ideologies in explaining the logic of revolutionary processes. The article proposes a combination of historical and sociopolitical approaches to analyzing the role of ideas in revolutionary processes based on the understanding of the state as a dialectic of strategic rationality and communicative rationality (Jürgen Habermas). The author demonstrates the key role of ideas for explaining various results of revolutions in the form of ideologies of a new revolutionary state in the context of analysis of some theoretical comparative studies of the revolutionary processes (Michael Mann and Misagh Parsa).

## References

1. Maliya, M. (2015) *Lokomotivy istorii: revolyutsii i stanovlenie sovremennogo mira* [History's Locomotives: Revolutions and the Making of Modern World]. Moscow: ROSSPEN.
2. Brinton, C. (1965) *The Anatomy of Revolution*. New York: Random House.
3. Habermas, J. (1995) *Theorie des kommunikativen Handelns*. Vol. 1. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
4. Lenin, V.I. (1986) *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Vol. 7. Moscow: Iz-vo polit. lit.
5. Skocpol, T. (1979) *States and Social Revolutions*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Sewell, W.H. (1997) Ideologies and Social Revolutions: Reflections on the French Case. In: Skocpol, T. (ed.) *Social Revolutions in the Modern World*. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Skocpol, T. (1997) Cultural Idioms and Political Ideologies in the Revolutionary Reconstructions of State Power: A Rejoinder to Sewell. In: Skocpol, T. (ed.) *Social Revolutions in the Modern World*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Goldstone, J. (1991) *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley: University of California Press.
9. Goldstone, J. (2006) K teorii revolyutsii chetvertogo pokoleniya [To the theory of the fourth generation revolution]. *Logos – The Logos Journal*. 5. pp. 58–1–03
10. Collins, R. (2015) *Makroistoriya: ocherki sotsiologii bol'shoy dlitel'nosti* [Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run]. Translated from English. Moscow: URSS.
11. Goldstone, J. (2015) *Revolutsii: ochen' kratkoe vvedenie* [Revolutions. A Very Short Introduction]. Moscow: The Gaydar Institute.
12. Goodwin, J. (2005) Revolutions and Revolutionary Movements. In: Janoski, T., Alford, R., Hicks, A. & Schwartz, M.A. (eds) *The Handbook of Political Sociology*. Cambridge: Cambridge University Press.
13. McAdam, D. Tarrow, S. & Tilly, C. (n.d.) *Towards An Integrated Perspective on Social Movements and Revolution*. [Online] Available from: <http://www.ciaonet.org/wps/tic04/> (Accessed: 27th December 2018).
14. Tilly, C. (1978) *From Mobilization to Revolution*. New York: Random House.
15. Tilly, C. (2009) *Prinuzhdenie, kapital i evropeyskie gosudarstva. 990–1992 gg.* [Coercion, Capital, and European States, AD 990–1992]. Translated from English by T.B. Menskaya. Moscow: Territoriya budushchego.
16. Tilly, C. (2007) *Demokratiya* [Democracy]. Translated from English. Moscow: In-t obshchestven. Proektirovaniya.
17. Goodwin, J. (2001) *No Other Way Out: States and Revolutionary Movements, 1945–1991*. Cambridge: Cambridge University Press.
18. Mann, M. (2018) *Istochniki sotsial'noy vlasti* [The Sources of Social Power]. Vol. 4. Translated from English by A.V. Lazarev. Moscow: Delo. pp. 392–393
19. Parsa, M. (2000) *States, Ideologies and Social Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press.